

В. Г. СМОЛИЦКИЙ и Т. А. ТУРГЕНЕВА

Четыре произведения народной сатиры

Публикуемые ниже материалы находятся в сборнике № 55, хранящемся в рукописном собрании Государственного литературного музея в Москве.

Сборник этот относится к концу XVIII в.; на водяном знаке бумаги изображен герб Ярославской губернии с медведем, дата — 1784 и буквы — ЯМСЯ (Ярославская мануфактура Саввы Яковлева).

Сборник состоит из 56 листов, или 7 тетрадей, с различными почерками (всего почерков четыре). Каждая тетрадь включает одну или несколько законченных статей (первая статья занимает две тетради). Таким образом, очевидно, что переписка статей сборника велась по тетрадам, которые впоследствии переплели в одну книгу. Вместе с тем следует отметить, что все страницы сборника одинаково оформлены. Наверное, при переписке текстов уже имелось в виду создание настоящего сборника.

Переплет картонный. На форзаце запись: «Из книг капитана Якова Мордвинова цена в переплете: 2 ру 50 ко».¹ На обороте форзаца: «Реэстр находящимся в книги сей вещей».

Сборник, несмотря на разнообразие своего содержания, имеет общую «вольнодумную» направленность. В его состав входят следующие статьи.

1. «О смерти Петра Великого императора российского краткая повесть» (лл. 1—13 об.), принадлежащая перу Феофана Прокоповича. В конце, на л. 13 об., приписка: «Писано с печатной в Санкт-петербургской типографии, 1726 года августа 11 дня, писана прошением новолодожского помещика Капитана Якова Яковлева сына Мордвинова. А писал регистратор Николай Иванов сын Артемьев, 1791 года октябрь в 3 день».

Лл. 14, 15, 16 чистые.

2. «Заметки о нынешней военной службе его превосходительства господина генерал-поручика Степана Матвеевича Ржевского» (лл. 17—22). Почерк иной, чем в «Повести» Феофана Прокоповича. Записки С. М. Ржевского были однажды опубликованы в «Русском архиве» (М., 1879, № 3) под названием «О русской армии во второй половине екатерининского царствования», с рукописи XVIII в. Рукопись была озаглавлена: «Разные замечания о службе армейской, отчего она в упадок приведена и неместно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках». Как и в нашем сборнике, в опубликованной рукописи весь текст разделен на 17 параграфов, но им предшествует краткое вступление, отсутствующее в сборнике. Мордвинова: «Писаны сии замечания в 1782 г. генералом-поручиком и

¹ Я. Я. Мординов владел большой коллекцией рукописных книг, часть которой хранится сейчас в Государственном литературном музее. О его собрании упоминает А. И. Пыпин в своем библиографическом списке «Для любителей книжной старины» (М., 1888, стр. III).

кавалером Степаном Матвеевичем Ржевским, по смерти которого они найдены и собраны». В сборнике Мордвинова текст начинается непосредственно с первого параграфа. Эти записки представляют большой интерес для историка. Они показывают быт и нравы екатерининской армии и направлены против произвола полковников, воровства, недобросовестности многих офицеров, засилия в армии иностранцев и т. д.

3. «Письмо к Урании г. Волтера» (лл. 22 об.—24). Почерк тот же, что и в записках С. М. Ржевского. Прозаический перевод поэмы Вольтера «За и против» («Послание к Урании»). Среди напечатанных в XVIII в. переводов Вольтера на русский язык это произведение нами не обнаружено. (В «Полной росписи всех сочинений г. Вольтера» «Послание к Урании» значится на русский язык не переведенным).²

4. «Утренники короля пруссаго, писанные им самим» (лл. 25—40). Почерк тот же, что и в предыдущих текстах. Это «вольнодумное» произведение Фридриха II было переведено и напечатано в России в 1782 г. Кроме отдельных разночтений, наша рукопись отличается от печатного текста еще и тем, что содержит выпущенную в русском печатном переводе вторую главу французского подлинника «De la religion»; в нашей рукописи эта глава носит название «О вере». Полный перевод «Утренников» в рукописи XVIII в. имелся в библиотеке Н. В. Губерти [см. его «Материалы для русской библиографии», (вып. II, М., 1881, стр. 109)].

5. Между пятой и шестой тетрадами вклеен печатный лист — указ о создании в Петербургской губернии, при Царском Селе, города Софии.

6. «Сказание о птицах» (лл. 41—45). Почерк, не похожий на предыдущие. Библиография опубликованных записей этого произведения составлена А. М. Астаховой (Былины Севера, т. II, М.—Л., 1951, стр. 788). К ее списку следует добавить небольшой текст из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева (т. 3, М., 1957, № 540) и текст, опубликованный самой А. М. Астаховой в «Былинах Севера» (т. II, № 155).

7. «О трех сватах» (лл. 45—47). Почерк тот же, что и в предыдущем тексте.

8. «Письмо олонецкаго бывшего с приписью подъячего Климма Нефедьева, писанное с того света к сыну ево Артамону» (лл. 47 об.—48).

9. «Эпиграмма» (л. 48 об.).

Два последних текста написаны одним почерком, не похожим на все предыдущие.

10. «Басня сильная рука владыка» (лл. 49—51). Почерк тот же, что и в № 2. Автор (Н. Эмин) не указан. Басня напечатана в сборнике «Правдолюбцу» (СПб., 1801, стр. 117).

11. «Всеобщая придворная грамматика» (лл. 51 об.—53). Почерк тот же, что и в № 2. Автор (Д. И. Фонвизин) не указан. Текст не имеет конца. Заканчивается «временами глаголов», после чего приписка: «продолжение будет впредь ежели угодно». Некоторые разночтения с напечатанным текстом показывают, что фонвизинское произведение попало в руки нашего переписчика не в первоначальном виде, а как список, представляющий собой одно из звеньев уже довольно длительной рукописной традиции.

Лл. 54—56 чистые.

² Полная роспись всех сочинений г. Вольтера в 70 частях, на французский язык г. Бомарше изданных, с означением, когда главные из оных выданы в свет и какия из них переведены и напечатаны на российском языке. — Приложение (присовокупление) к «Философической и политической переписке императрицы Екатерины II с г. Вольтером...», ч. I, М., 1802.

Из сборника мы публикуем четыре текста (№№ 6, 7, 8, 9), представляющих собой произведения народной сатиры.

Первое из этих произведений — «Сказание о птицах». Публикуемый текст «Сказания» XVIII в. отличается большой полнотой. По своему составу и композиции он ближе к текстам, записанным в XIX в. П. Н. Рыбниковым и А. Гильфердингом, чем к текстам XVII—XVIII вв., помещенным в собрании песен М. Д. Чулкова и в приложении к исследованию Х. М. Лопарева «Древнерусские сказания о птицах» (СПб., 1896).

В тексте сборника Мордвинова очень мало птиц и животных, которых не было бы в других записях, но в то же время здесь встречаются почти все те названия, которые разбросаны по различным спискам.

Композиция публикуемого текста — очень четкая, цельная и последовательная. «Сказание о птицах» начинается со вступления, которое отсутствует в ранних записях и встречается в некоторых записях XIX—XX вв., но в более кратком, чем в нашем тексте, виде. Между тем это вступление является органической частью всего произведения, без него нельзя достаточно полно понять идейный смысл этой пародии на общественный строй.

«Сказание» начинается с изображения неколебимой последовательности смены одного времени года другим. Этому прочному порядку в природе «соответствует» порядок в жизни людей, общественный порядок: «Цари наши живут по царствам, короли живут по королевствам...» Но начав с царей и королей, вступление оканчивается «общественным положением» стариков и старых баб, которым «на печи было место». Таким образом, во вступлении используется сатирический прием снижения, который в главной части выступает в перенесении на птиц и зверей человеческих отношений. Этим самым высмеивается тот «незыблемый» порядок, который вначале сравнивался с закономерностью самой природы.

На общий сатирически-балагурный тон былины, говорящий «об участии в ее сложении скоморохов», справедливо указывала А. М. Астахова. Ее замечание подтверждается концовкой «Сказания о птицах»: «Когда люди станут обедать, калики по подоконью бегать, ох те мне не поспали, холодных щей не хлебали, горячих мы не застали, итак мы без ужины начевали». Здесь мы слышим намек на необходимость угощения, подаяния, в общем — платы за исполнение былины. Близкие по смыслу концовки мы находим и в некоторых других текстах данной былины.³ Эта просьба оплатить труд — еще одно подтверждение догадки, что перед нами — произведение, исполнявшееся скоморохами, народными артистами-профессионалами.

Особый интерес благодаря своему антикрепостническому содержанию представляет находящийся в составе нашего сборника рассказ «О трех сватах». Среди печатных сборников мы нашли только отрывок, который входит эпизодом в драму «Ездок и Коневал», или «Конь», опубликованный Н. Е. Ончуковым в его «Северных сказках» (СПб., 1908, стр. 474), а впоследствии в его же «Северных народных драмах» (1911 г.). В этом отрывке рассказывается, как мужик отдавал барину оброк и как лакей побил мужика, когда последний возвращался домой. Полностью отсутствуют в отрывке Н. Е. Ончукова вступление — встреча трех сватов, ожидание мужика перед воротами господского дома, тема — мужик и судья.

³ См., например: А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II. М.—Л., 1950, № 130; А. Астахова. Былины Севера, т. 2, № 155.

Сцена встречи мужика с бариним в нашем тексте сильно отличается от ончуковского.

В тексте Ончукова после слов мужика, предлагающего барину оброк («Вот вам утка, вот вам курка» и т. д.), говорится: «Это барину прилюбилось, дал он лошадь, впрег и в сани, дал долгую кнутину; день я ехал...».

В тексте мордвиновского сборника барин ведет себя иначе: «Оброк от з меня обрал, а мне доброму молотцу бок надрал и притом сказал: „Поежай мужик домой да работай, да впреть оброк припасай“». Ни о каком подарке лошади нет и речи.

Таким образом в тексте Ончукова образ мужика намного обеднен, антикрепостническая сущность произведения несколько сглажена по сравнению с публикуемым текстом, в котором мужик изображен настолько забитым и лишенным всяких человеческих прав, что не знает, как сообщить барину о привезенном ему богатом оброке, и несколько недель стоит в испуге перед барскими воротами, не решаясь войти. Интересны и образы барских лакеев, из которых один требует взятку с мужика, чтобы сообщить о нем барину, а другой избивает беднягу. Рассказ «О трех сватах» заканчивается сценой в суде, где мужика снова обобрали, но правды он так и не нашел. «Полно с судьями знатце, лутче от них удалятся, когда много с приказной избой поводишься, то и наг и бос находишься», — таков вывод мужика.

Связь рассказа «О трех сватах» с народной драмой «Ездок и Коневал», диалогический характер этого произведения, раешный стих и обилие ударов, сыплющихся на голову героя — все это заставляет нас предполагать, что в данном случае перед нами произведение, которое представлялось, игралось, т. е. было связано с народным театром.

Два последних публикуемых произведения: «Письмо олонецкаго бывшаго с приписью подъячего Клина Нефедьева, писанное с того света, к сыну ево Артамону» и «Эпиграмма» — были написаны на местные темы. Первое направлено против какого-то местного взяточника и ростовщика и его сына, второе — против вернувшихся из дальних странствий «поросят», под которыми, возможно, подразумеваются какие-то дворяне, путешествовавшие за границей, но не набравшиеся там никаких знаний. Приурочить имена и места к конкретным лицам и географическим названиям пока не удалось.

Раешный стих «Письма» и «Эпиграммы» дает возможность предполагать и в данном случае связь с традицией раешников, выступавших на местную злобу дня.

Все четыре произведения отличаются от остальных текстов сборника почерком и составляют отдельную тетрадь. Не является ли эта тетрадь перепиской репертуара какой-то группы скоморохов, подвизавшихся в районе Ладожского озера?

ТЕКСТЫ

I

Сказание о птицах

От чево ди зима становилась, —
 Становиласи зима от морозов,
 Потомуже наставала весна красна,
 По весны пошло лето тспло,

По лете осень богата,
 Крестьяна стоги склали,
 Им жить хорошо прокладно,
 Цари наши живут по царствам,
 Короли живут по королевствам,
 Князья живут по княженствам,
 Воеводы живут по уездам,
 Дворяне живут по поместьям,
 Попы и дьяки живут по погостам,
 Крестьяне живут по деревням,
 Бобылишка живут по подворьям,
 Наши стары-старики по скамейкам,
 Своих детей поучали,
 На все на прежина хорошие дела,
 Ясным соколам был розлет,
 Добрым молотцам был роз[ъ]ест
 Подалечу по чистому полю,
 По тому по широкому роздолью,
 Молоды молодицы по высоким теремам,
 По мягких пуховым перинам,
 По крутым и красным зголовьям,
 Под тем ли собольим одеялам,
 По доброму молодцу было в беремя,
 Про то было всему миру весто,
 Что старым бабам на печи было место,
 Под носом кринка с тестом,
 Чтобы она не ворчала,
 Не ворчала бы она, все мольчала [люльчала?],
 Громкиим гласом не кричала.
 Издалека из-за дунайского моря,
 Как из тиха из зелена лукоморя,
 Налятала тут малая заморская птица,
 Заморская птица певица,
 Над рускими птицами царица,
 Садиласи она не на плохое дерево на калину,
 Она стала жупить говорити,
 Уж как мал соловей чоботати,
 Руских птиц собирати,
 Сляталися руские птицы,
 Руские птицы синицы,
 Оне стали жупить говорити,
 У заморские птицы вопрошати:
 «Ах ты, матушка заморская птица,
 Заморская птица певица,
 В вас на море в лукоморие,
 В тихом в зеленоем заводье,
 Кто у вас на море большей,
 Кто у вас на море меньшей?».
 Ответ держит заморская птица,
 Заморская птица певица:
 «Ой вы глупые руские птицы,
 Глупые птицы неразумны,
 За море вы не летали,
 Холодных щей не хлебали,

Без ужины вы не сыпали,
Без ночлега вы не начевали,
Живете по домам в парогусах;
Как у нас на Дунаиско море,
Как во тихом во зеленом лукоморье,
Все птички по службам,
Все птички по работам,
Всякая птица по доводам,
Котора чево на море удала.
Сизой орел на море Владимир,
Лебеди на море цари,
Лебедушки на море царицы.
Гуси на море князи,
Гусыни на море княгини.
Голуби на море дворяна,
Голубушки на море дворянке,
Павлин на море гось богатой,
Павушки на море честные жоны.
Селезни на море попы,
Утушки на море попадейки.
Чаицы дьяки поморски.
Журавль на море пономарь монастырской.
То черкас белославской,
В болшей колокол ударит,
Ужинать обедать кличет.
Совушка на море просвирья,
Головище у ней болшая,
Глазища у ней глубоки,
Што просвир ни напекает,
Всио пономарю не отдавает,
Сама злодейка изъедает.
Зуи на море перевощик,
Мос мостить не знает,
По мосту ходить не умеет.
Дрозд на море целовальник.
Сорока на море жонка кабацка.
Воробеюшко на море холопина боярска
Крестьянина всегда он обижает,
Летом он по коноплям,
Среди зимы он по гумнам.
Мошник на море крестьянин.
Гагара на море рыболовник,
Из озера в озеро летает,
По зорями часто рыдает,
Кунную рыбу добывает,
На ярманку не отвозят,
Промежду собою рыбу съедают.
Синица на море вдовица,
Победная сирота и бобылица,
Казакон нанимать не может,
Сама работать не умеет,
Животы у ней даром пропадают,
Она-то худой человек, неразумной.
Травник на море был повар.

Вислобров голова была кабацка.
Кулик на море сапожник,
То рукавичной мастер,
Ремесленной человек.
Витлюк на море ключник язычник.
Ворона пупорезная бабка.
Ворон на море старец,
Не старец он строитель.
Не строитель он разоритель.
Галицы вознесенские старицы.
Соловей на море дворецкой,
Поутру раненко встает,
Соловиной свой голос объявляет,
Хозяина всегда разбуждает,
В том он сыт пребывает.
Попугай на море птица вища.
Куропоть бобыль беспоместна,
Летом ходит серенка,
Среди зимы ходит беленка.
Тетерьки жонки торговки,
С напуском у них чулочки.
Рябчик на море стряпчи,
Тото поморски писарь.
Косачи казаки донские.
Петухи молотцы удалые,
Много жон оны имеют,
По две, по три и по четыре,
Иной по целому десятку,
Всех наряжати оне знают,
Всех послать оне смеют.
Не как на Руси крестьянин,
У него одна была баженая женушка,
Той нарядить не знает,
Той послать не смеет,
Той указать не разумеет.
Ластушки девушки косаты,
Поклонцы у них низенки,
Головушки у них гладеньки.
Кукушка на море тиоща,
Всё она в сыром бору кует,
Всё по дочерях своих плачет,
Почасту зять в гости летает,
Сыр и масло съедает,
То она в преску не поставляет.
Ястреб на море десятник,
То годовой десятинуник,
Часто по заводи летает,
Часто пятину собирает,
С ыново берет по куренку,
С ыново берет и по два,
С бобылицы вдовицы по четыре,
Глупая влась нерассудна,
Их он горазно обижает.
Дятель на море подрятчик,

Часто в сыром бору летает,
Всякое дерево пытается,
Высоких хором он не строит,
Даром силы не тратит,
Всio он живиог по подворьям,
Всio он живиог по заугольям.
Яснои сокол на море налетник,
Часто по заводи летает,
Гусей лебедей побивает,
В том он сыт пребывает.
Курица победная птица,
Ростом она и не маленка,
Разумом злодейка глупенька,
Кто ее не поймает,
Всякой в жопы пальцам ковыряет,
Всякой яйцо добывает,
Затю свету запасает,
Тем она от зятя честь получает.
Лев на море зверин царь,
Горностаи на море подземельник.
Олень на море послальник,
На ношку он скоренек,
На повороте он легонек.
Кошка на море вдовица,
Днем она на печьки,
Ночью она на добычки.
Свинья на море ускорожа,
Ускорожа сама долгоножа,
Голосом она не складна,
Песен петь не умеет.
Стар медветь кожемьяка.
Серой волк овчинник,
Много овчин оминает,
Шубы на себе не видает,
Всio он бес шубы скачет.
Заец на море калашник,
Лапки беленки мяконьки.
Лисица лжива молодица,
Хоть долог хвост не ступит,
Хоть зделает вину не скажет.
Собака злодейка свекровка,
Сорому остуды не боится,
На каждого злодейка бранится.
Когда люди станут обедать,
Калики по подоконью бегать,
Ох те мне не спсали,
Холодных щей не хлебали,
Горячих мы не застали,
И так мы без ужины начевали».

II

О трех сватах

Был я в Москве, на Красной площади, случилось нас три свата. Сват свата спросит: Ты, сват, откуда? Я, сват, с Тверска. А ты, сват, откуда? Я из Белозерска. А ты, сват, откуда? Я из Коргополска. Сват у свата спрашивает: Што сват, скажешь, чего мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос хлеба-кормилца? Ой, сват! Дал бог, уродил Христос хлеба-кормилца, перогов, как врагов, сканцами хотя пол мости, а блинами хоть кровлю крой. А ты, сват, што скажеш, чево мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос божьей травки, христова табачку? Ой сват! Из деньгами не наитить. Так ну, сват, табак-от розовьем, да и прокот розобьем. А ты, сват, што скажеш, чево мол спросиш, за кем жить лучше: иль за попами, иль за дьяками, иль за господами? Ой, сват! За попами жить худо, а за дьяками жить трудно, походя наежся, сидя выпися. Ой, сват! А за господами жить и тово хуже, годы ты скудные, а оброки ты болшие: дай пять рублей денег и кринку масла, шапку яиц, полоть вечины, индейку богату, курочку хохлату, и уточку. То я кое-как збился, кое-как сколотился, оброк-от я собрал — пять рублей денег, кринку масла, шапку яиц, полоть ветчины, индейку богату, курочку хохлату, и уточку, — да и поехал я в город к барину, к своему господину. Приехал я в город к барину, к своему господину, и стал у ворот; день стою, другой стою, на третьей день вышел холоп, барской человек. Мужик, — говорил он, — дурак, чево ты стоишь, чево ты глядиш? Тово я братец стою, тово я гляжу, что сам на двор ити не смею, а донесь некому. Мужик-дурак, дай мне алтын, я барину о тебе донесу, и все дело то роскажу. Алтына то у меня не случилось, а гроша дать то мне пожалелось. Стою я неделю, стою я другую, наитить. Так ну, сват, табак-от розовьем, да и прокот розобьем. А ты, стоиш, чево ты глядиш? Тово сударь стою, тово сударь гляжу, что донесть вам некому. Барин от приказал на двор въехать, и оброк-от с меня обрал, а ме доброму молотцу, бок надрал, и притом сказал: Поежай, мужик, домой, да работа, да впреть оброк припасай. Поехал я домой к государыне своей жены, ажно на дороге случилась гора-та крутая, а лошадка-то у меня молодая, до полу горы вставала, а посреде горы пропала; тут я стосковался, тут я згоревался, вынял клепичице, содрал кожурице и в гореси не видал как на гору-ты ставал, повесил кожурице на случившуюся хробасищу, а тово не видал, что против чевото барсково двора стоял; со двора увидел меня холоп, барской человек, пришед ко мне, ну меня бить, ну меня увечить: Мужик-дурак, зачем ты против барсково окошка подинны кожи вешаш? Кожурице то он взял, а меня, доброво молотца, в шею протолкал. Поди домой к своей жене, а пообедай, а впреть таких пакастей не делай.

Пошел я домой, как будто после свадьбы молодой, по приходе встречает меня жена, сударыня моя, и говорит: О чем муж тужиш, о чем муж тоскуеш, что же ты не весел, и голову повесил? Я ей сказал и всию то похождение-то сказал. Она мне на то: Не о чем тужить, можно на холопа в городе судьям попросить, возьми пять рублей денег, полоть вечины, кринку масла, индеечку богату, курочку хохлату, и уточку, да шапку яиц, и поежай муж в город просить на холопа, на барсково человека.

Послушал я жены, поехал я в город просить на холопа, на барсково человека. По приезде в город, судьи дал пять рублей денег, заседателю полоть ветчины, другому кринку масла, секретарю дал индеечку богату, да курочку хохлату и уточку, подъячим роздал шапку яиц. И пришел я в суд, а оне меня спросили: Мужик, што твое дело, о чем ты просишь?

От государи мои прошу, что был я у барина в Москве, у своего господина с оброком, поехал я домой, и случилась мне в дороге горушка крутая, а лошадка та у меня была молодая, до полугоры ставала, а посреде горы и пала; тут я стосковался тут я згоревался вынял клепичище, содрал кожурище, взошед на гору повесил кожурище подле дороге на храбастищу, а тово я в горесии не видал, что против боярского дому стоял; со двора увидел меня холоп, барской человек, пришел ко мне ну меня бить, ну меня увечить: Мужик-дурак, зачем ты против барсково окна падинны кожи вешаш? Шкуру ту он с храбастины снял, а меня домой в шею протолкал. Судьи ему на то: Мужик, кавтан от у тебя сер, а ум от веть не черт съел — што взять на холопе, на барском человеки? Поежай ты теперь домой, мы дело то разыщем, да и за тобою пришьлем. Суд от за мной не присылал, а сам то я у них не бывал, и видно что с воза то упало, то уже все пропало. И так мы, сваты, пойдем-ко в кабачище, да выпьем по стакану винища, да поедем ко домой, да станем работать, да денежки наживать, полно с судьями знатце, лутче от них удаляться, когда много с приказной избой поводишся, то и нак и бос находишся. Прощайте.

(ГЛМ, Собр. рукописей, № 55, лл. 45—47).

III

Письмо олонецкаго бывшаго с приписью
подьячего Клина Нефедьева, писанное
с того света, к сыну сво Артамону

Любезной мой сын, Артамон,
не пренебрегаю я что ты сухорук и хром.
при сем тебе объявляю,
и о здешнем житии напоминаю.
По приходе моему суда,
не мог я избыть без суда,
у Иуды я много раз был,
вместо кофии смолу отборную пил.
По несчастию здесь моему,
не застал я в жилище сатану;
пред приходом моим в тартар пошел,
и там многих тавлинцев нашел,
обратно назад не бывал,
тюрьмы делать им стал.
А живу я во мздоимческом остроге,
при большой тартарской дороге,
определен я пивоваром,
вечным адским смоловаром.
И тут я копейчку принаживу,
а своих денежек не проживу.
Харчем здесь нас не морят,
мышей и лягушек с червями варят.
Да теперь, сын, как можно поспешай,
денег для роздачи в проценты присылай,
калугу в дорогу з денгами нанимай,
а ему за труды хотя пять сот рублей давай,
другому суда не дойти,

да и меня здесь не найти, —
 пять тысяч с ним ко мне пересылай,
 да и исачку в помощь ему давай.
 Калуга в дороге поспешать будет,
 да исачку научить не забудет,
 которой выучитца дорогу знать,
 и об здешних жилищах подробну вам рассказать.
 Калуги дай мою лисью епанчу, —
 я отсюда к вам поскорее ево поворочу, —
 да при том не забудь дать ему бобровой шапки,
 потому что дороги здесь шатки,
 да еще дай всю мою одежду и сапоги,
 чтоб на притинах здесь не прибили ево батоги.
 Игнашку и Степку в доме не держи,
 на волю с награждением отпусти.
 Васку горбача у себя оставляй,
 а за ево услуги по мере награждай.
 Теперь до оказии прощай,
 а что писано того не забывай.
 Да при том имя мне здесь переименовали,
 другим нескладным назвали,
 назвали меня Макаром,
 адьским главным смоловаром.
 Не погневайся что году и числа не написал,
 потому что надзиратель с линком застал,
 здесь не велят много писать,
 чтоб о житии здешнем не могли у вас знать.

(ГЛМ, Собр. рукописей, № 55, лл. 47 об.—48).

IV

Эпиграмма

Степноромановския поросята,
 разные два брата.
 Первому имя Гришка,
 а второму безпутной Флоришка, —
 в чужия поля забрались,
 а науки никакой не набрались.
 Гришка выучился мотать,
 а Флоришка не положи своих денех чужих искать,
 честь им зделалась хороша,
 только от чужого отоидут без барыша,
 одного голи всегда в кабаках стречали,
 а другова под караулом содержали.
 Гришка много об себе представлял
 и всякия пьянския гитрости искал,
 поутру днем и по вечерам кабаки посещал,
 в стаканах на дне горелки не оставлял,
 все одним залпом выпивал,
 а прокаженному мишки подносить не забывал
 для того что брат ево был по плоти,

дабы не смеялись ему кадневы холопи.
Да при том у него привычка худая бывала так,
что того не зделает и сумазбродной дьяк,
набрав шайку голей по ночам бродить,
а правоверцам целовальникам обиды творить.
Пьет он вино полтенку [полтѣнку],
и подбивает всегда обелнаго фетку
не лучше ли то будет снискать,
чтоб в романов их протолкать.
Здесь поросята не в моде,
для того что место не при дороге.
И своим надобно прокормитца,
что попадет не лишитца.
Поросята теперь прощайте,
в век со свиньями почивайте.

(ГЛМ, Собр. рукописей, № 55, л. 48 об.).
